

УДК: 327

DOI: 10.31857/S268667300008591-0

Россия – США – Китай: резоны и риски российско-китайского военного сближения

С.М. Труш

Институт США и Канады Российской академии наук (ИСКРАН)

Российская Федерация, Москва Хлебный пер., 2/3.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7275-001X> zebra758@gmail.com

Статья поступила в редакцию 15.01.2020.

Резюме: Военный союз между Китаем и Россией в настоящее время не представляется оправданным с точки зрения расширительно понимаемых интересов безопасности Российской Федерации. Такой союз существенным образом переформатировал бы структуру мировой многополярности, вызвав в ней значительную радикализацию и рост напряжённости. Этот союз, наиболее вероятно, обострит проблему безопасности РФ, а не решит её. Вместе с тем при других внешнеполитических условиях Россия по своим мотивациям, а Китай по своим, могут вернуться к идее создания военного союза, если сочтут этот союз необходимым и неотложным средством обеспечения своей безопасности от США.

Выход США из договоров о контроле над вооружениями и, в частности, из договора СНВ – 3, означает закрепление ориентации США на единоличное доминирование в стратегических вооружениях. Такое развитие событий «перекрывает» по значимости большинство аргументов против союзничества России и Китая.

Масштаб и формы нынешнего военного сотрудничества между РФ и КНР являются адекватными существующим внешнеполитическим условиям России, и такое сотрудничество нужно продолжать в полной мере. Однако пока оно не должно переходить «красную черту». Такой «красной чертой» следует признать взаимные чёткие гарантии участия обеих сторон в отражении внешней угрозы одной из них.

Ключевые слова: треугольник США – Россия – Китай; военный союз; Договор о РСМД; гарантии безопасности; контроль над вооружениями; модель развития; авторитарный режим

Для цитирования: С.М. Труш. Россия – США – Китай: резоны и риски российско-китайского военного сближения. *США & Канада: экономика, политика, культура*, 2020; 50(3):00-00. DOI: 10.31857/S268667300008591-0

Благодарности: Статья подготовлена в рамках проекта при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) «Стратегический треугольник США-КНР-РФ вызовы и перспективы для национальной безопасности России». Грант 19-014-00009 А

Russia-U.S.-China: motives and risks of Russian – Chinese military cohesion

Sergei M. Trough

Institute for the U.S. and Canadian Studies, Russian Academy of Sciences.

2/3 Khleby per., 121069 Moscow, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7275-001X> zebra758@gmail.com

Received 15.01.2020.

Abstract: Military alliance between Russia and China is not rational now, judging the Russian interests in a broad perspective. If such alliance takes place, the whole multipolar system will be radicalized and strained. Most probably, such alliance will rather endanger Russian security posture, than make Russia “raise up from the knees”. However, future political environment could bring Russia and China to activate the option of the military alliance if both of them will consider the US moves as drastically detrimental to their security interests.

The US withdrawal from all the agreements on the arms control, especially, from the START -3 treaty, would mean that the US is aimed on the unilateral dominance in strategic weapons. This aim will outweigh any arguments against the military alliance between Russia and China.

The scale and the forms of military cooperation between Russia and China, existing nowadays, are adequate to the current international conditions of Russia and must be continued in full. However such cooperation at this time should not cross the «red line». This «red line» is as follows: mutual distinct guarantees of both sides to stand up in defense of each other in case of threat to any of them.

Keywords: U.S.-China-Russia triangle; military alliance; SRBM treaty; security guarantees; arms control; development model; authoritarian regime.

For citation: Sergei M. Trough. *Russia-U.S.-China: motives and risks of Russian – Chinese military cohesion. USA & Canada: Economics, Politics, Culture.* 2020;50(3):00-00.

DOI: 10.31857/S268667300008591-0

Acknowledgements: *This publication is prepared with the financial support of the Russian Foundation of Fundamental Research (RFFR) Project name «Strategic Triangle USA – China – Russia: challenges and implications for Russian security» Grant № 19-014-00009 A*

ВВЕДЕНИЕ

В России под воздействием бурной динамики международных отношений последних лет и российского «поворота на Восток» идёт активный разговор о целесообразности более тесных военных связей между Россией и КНР, вплоть до необходимости заключения военного союза между ними.

Новый старт этим дискуссиям придало заявление В. Путина в октябре 2019 г. о том, что Россия оказывает практическую и консультативную помощь Китаю в создании национальной системы предупреждения о ракетном нападении (СПРН) [1]. Многие наблюдатели, как российские, так и зарубежные, расценили

этот факт как элемент – начальный либо ограниченный – военного союза. Раздаются мнения, что Россия и Китай де-факто уже вступили в союзнические отношения, либо что их отношения уже можно назвать «функциональным военным альянсом» [2; 3].

Так ли это на самом деле? Чем мотивировано и что означает заключение такого союза, исходя из интересов Российской Федерации? Какие цели для России этот союз достигает, какие риски и последствия он предполагает? Адекватен ли этот шаг в настоящий момент с точки зрения российских интересов, какие альтернативы военному союзу РФ и КНР возможны и оправданы?

СОЮЗ ИЛИ СБЛИЖЕНИЕ?

Понятие «союзник» и «союзнические отношения» могут трактоваться многообразно и достаточно эластично, но выделить суть этих отношений возможно. Как правило, под военным союзом подразумеваются юридически закреплённые взаимные гарантии государств-участников по отражению угрозы безопасности одному из них. Союзы обычно заключаются в условиях чёткого понимания общего врага или стратегического противника и подразумевают или обуславливают координацию военного строительства – (военных приготовлений, национальных страновых программ вооружений – стран участников), а также эксклюзивные, доступные только союзнику, поставки критических вооружений и технологий. Отношения союзничества, в современных условиях принято закреплять соответствующими договорами, пактами, соглашениями, однако реальные договорённости (или их часть), содержащиеся в них могут носить и негласный характер.

Очевидно, что если следовать данным критериям, то констатировать, что Россия и Китай уже вступили в военный союз, даже де-факто, наверное, пока преждевременно. Никаких взаимных гарантий безопасности, и собственно координации военного строительства Россия и Китай на данный момент не обнаруживают. В своих двусторонних отношениях стороны руководствуются Договором о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между РФ и КНР, заключённом в 2001 г. Статья 9 этого договора гласит, что «в случае возникновения ситуации, которая, по мнению одной из сторон, может нарушить мир или затронуть интересы её безопасности, стороны незамедлительно проводят консультации в целях устранения возникшей угрозы». Согласно другой статье, стороны обязуются прилагать «совместные усилия по поддержанию глобального стратегического баланса и стабильности, а также всемерно способствуют неукоснительному соблюдению основополагающих договорённостей, обеспечивающих поддержание стратегической стабильности» [4]. Иными словами, не подразумевая никакой «союзности», данный документ предусматривает лишь «консультации» даже в случае возникновения угрозы войны.

Вместе с тем очевидно, что за последние несколько лет, начиная с этапного 2014 года, движение России и Китая к более тесным военным отношениям было более чем заметным. Показателями этого следует признать, во-первых, активную программу поставок вооружений России в Китай, возобновившуюся и набравшую обороты во второй половине 2010-х годов: после длительной паузы с 2003 г. Китай является сейчас крупнейшим импортёром российских вооружений и лицензированных военных технологий. В 2016 г. экспорт российского оружия в Китай составил 3 млрд долл., превысив пик предыдущего периода в 2,7 млрд долл. в 2002 г., и имеет тенденцию к дальнейшему увеличению. Благодаря этой программе Китай технологически «перепрыгнул» ряд ступеней в производстве, например, истребителей и зенитных управляемых ракет (ЗУР) дальнего действия, ракет класса «воздух-воздух», действующих за пределами прямой видимости, беспилотных подводных аппаратов; бомб с лазерным наведением и т.д. Эксперты справедливо замечают, что российско-китайское военно-техническое сотрудничество (ВТС) в какой-то мере способствовало передаче статуса великой военно-технологической державы от России к Китаю [Лукин А.В., Кашин В.Б. 2019]. Важной частью программ ВТС стали эксклюзивные поставки из России в Китай ракетных комплексов С-400 и современных истребителей Су-37. Последний вид оружия – Су-37 – Россия поставляет только Китаю.

Другим, ещё более важным, показателем военного сближения стала интенсификация совместных манёвров вооружённых сил двух стран. Здесь характерным является и расширяющаяся география, и растущий масштаб военных учений. В 2015–2018 гг. флоты обеих стран принимали участие в совместных морских манёврах в Восточном Средиземноморье, в Балтийском, Охотском, Японском, Южно-Китайском и Восточно-Китайском морях. Важным шагом военного сотрудничества стали совместные общевойсковые манёвры «Восток-18», проводившиеся на территории и в морской акватории Российского Дальнего Востока в Тихом океане. По официальным данным, с российской стороны в них приняли участие 300 тыс. военнослужащих, более 1 тыс. самолётов и вертолётов, а также кораблей Тихоокеанского и Северного флотов. Китай отправил в Россию около 3200 военнослужащих, 900 единиц различных типов вооружения и 30 летательных аппаратов, что составило крупнейший контингент вооружённых сил КНР, которые когда-либо принимали участие в учениях на территории другого государства. Главная часть учений состоялась на полигоне Цугол в Забайкальском крае, где присутствовали президент РФ В.В. Путин, а также главы министерств обороны России и Китая С. Шойгу и Вэй Фэнхэ.

Руководители военных ведомств России и Китая поддерживают регулярные контакты и обмениваются чувствительной информацией оборонного и разведывательного характера. Оборонные ведомства Китая и РФ имеют «Дорожную карту» по военному сотрудничеству на 2017–2020 гг., подписанную 7 мая 2017 года [Лукин А.В., Кашин В.Б. 2019].

СТИМУЛЫ И МОТИВЫ СБЛИЖЕНИЯ

Если говорить о российской мотивации к военному сближению с Китаем, то она является логическим следствием всей сложившейся при президенте В. Путине внешнеполитической идеологии Российской Федерации, которую можно определить как идеологию «вставания с колен». Она исходит из того, что сложившееся после распада СССР положение России как «обычной» мировой державы, неестественно и неадекватно, с точки зрения её реальных возможностей и интересов. Россия, считают в Кремле, должна пройти «возвратную» эволюцию к более высокому статусу и большей активности в мировой политике. Это необходимо, чтобы предотвратить дальнейшую деградацию международной среды для России, обусловленную «социал-дарвинистской» сущностью этой среды. Такой «социал-дарвинизм», по мнению Москвы, проявился в первую в несправедливом, «нечестном» и «корыстном» поведении Запада, нацеленного на максимизацию своих интересов в мире, заполнения вакуума власти после распада СССР. Конкретным проявлением этого, согласно идеологии В. Путина, стало расширение НАТО в Европе, непризнание «законных» интересов России на постсоветском пространстве, отказ от прежней структуры договорённостей в области контроля над вооружениями, вытеснение России в ключевых региональных горячих точках, на Ближнем и Среднем Востоке, а также в АТР, в Африке и Латинской Америке. В рамках этой идеологии Китай рассматривается как наиболее мощный, растущий и перспективный из незападных полюсов мира, причём полюс, который наиболее активно нацелен на слом традиционного статус-кво. В связи с этим сближение между Россией с её обозначенными внешнеполитическими мотивациями и Китаем представляется весьма логичным.

С приходом администрации Д. Трампа, когда обострились двусторонние отношения США и с Россией, и с Китаем, взаимное тяготение Москвы и Пекина друг к другу ещё более усилилось. Если говорить о китайской стороне, то это, в первую очередь, торговая война, нарастание неопределённости и военной конфронтации в китайско-американских отношениях, нарастание «цивилизационного» фактора в двусторонних разногласиях, обострение конкуренции США и КНР в технологической сфере, ужесточение идеологической полемики, отход США от линии «трёх коммюнике» в тайваньском вопросе, наконец, активное вмешательство США в социальную турбулентность в Гонконге. Фиксируя нараставшую нестабильность, происходящую в результате американского давления, китайский центр стал отходить от ранее доминировавшего представления о нецелесообразности «союзнических отношений» с какой-либо из крупных стран, трактовке их как неоправданного бремени для независимой и самостоятельной китайской внешней политики.

Если говорить о российской стороне, то для неё крайне болезненным оказалось санкционное давление США и Запада на и без того нединамичную россий-

скую экономику, перекрытие каналов кредитования российских компаний западными банками, пересыхание и так неактивного потока западных инвестиций, блокирование российского сырьевого экспорта, нарастание деструктивной антироссийской пропаганды в США, свёртывание практически всего комплекса российско-американских гуманитарных связей.

Особое воздействие на Россию и Китай оказала эволюция военной политики Д. Трампа. Фактором этой политики стало беспрецедентное повышение планки военных расходов США до уровня свыше 725,5 млрд долл. (2019 г.), доктринальная квалификация Китая и России в качестве «стратегических соперников» в Стратегии национальной безопасности США, обнародованной в 2017 г., выдвижение Индо-Тихоокеанской стратегии Соединённых Штатов в качестве более оптимального формата для купирования китайской угрозы и геοэкономических коммуникаций КНР и, наконец, выход США из Договора о РСМД с последующим испытанием нового поколения американских ракет средней дальности [5]. Для Москвы и Пекина такие действия США практически исключали какие-либо альтернативы военного сближения. Так, после развала Договора о РСМД создавалась ситуация, когда при гипотетическом размещении американских крылатых ракет, например, в Эстонии, подлётное время до Москвы составит чуть более одной минуты. С другой стороны, американские средства средней дальности, будучи размещённые в акватории или на территориях АТР, ставили бы под прицел практически любую точку КНР и существенно нивелировали бы потенциал ответного удара китайских ядерных сил.

При данной динамике действий США, Россию и Китай неизбежно подталкивали к выводу о том, что более тесная военно-политическая связка между РФ и КНР – это самый действенный и самый сильный ход Москвы и Пекина в противодействии администрации Д. Трампа. Военный бюджет США, находящийся на таком высоком уровне и сравнимый с совокупным годовым военным бюджетом всех стран мира, объективно «диктует» необходимость сложить меньшие военные бюджеты Китая (250 млрд долл., 2019 г.) и России (46 млрд долл., 2019 г.) для купирования угрозы от «висящего» на мировой сцене американского ружья. Совместная российско-китайская военная стратегия на пространствах Большой Евразии, включая Восточно-Европейский, Центрально-Азиатский, Восточно-Тихоокеанский и Арктический театры военной активности составляла бы адекватный ответ расширению НАТО и Индо-Тихоокеанской стратегии США.

Не менее важные мотивации союзничества России и Китая – это и базовые двусторонние факторы притяжения двух стран: геополитическое соседство, протяжённая двусторонняя граница, обоюдная и крайне высокая важность поддержания прочного добрососедства, крайне высокая цена обоюдной конфронтации. К двусторонним факторам сближения следует добавить и экономическую взаимодополняемость двух экономик, хотя последнее суждение является дискуссионным и требует уточнения базовых критериев такой оценки. В опре-

делённой системе координат, например, такая взаимодополняемость не является столь очевидной.

Помимо факторов чисто внешнеполитического и стратегического характера, военное сближение России и Китая мотивируется и существенной близостью стран во внутриэкономическом, внутриполитическом и цивилизационно-ценностном измерениях. Оба государства представляют собой государственно-капиталистические экономики, авторитарные политические режимы (хотя и в разной степени «авторитарности»), с эмбриональным развитием среднего класса и атрибутами его политической вовлечённости, страны с собственным опытом коммунистического эксперимента, с глубокими традициями имперской истории и коллективистского сознания. Оба режима привержены централизационно-государственническим формам управления и решению стоящих перед ним социальных и экономических проблем, их элиты весьма созвучны друг другу по насаждаемой внутри и вовне политической философии. (государственная идеология, патриотизм, «вставание с колен», «китайская мечта», Большая Евразия, «Один пояс – один путь», «Русский мир», «Сообщество единой судьбы»).

Политическому режиму современной России гораздо комфортнее, политически продуктивнее и намного безопаснее иметь в качестве союзника более понятный по духу и методам управления авторитарный режим, чем западную демократию. Западные демократии относились бы к России и к её руководству более критично, не разделяя многие традиционные трактовки Россией её внешнеполитических интересов и «сфер влияния», обличая «имперские корни» её международной стратегии. Для Москвы в этом состоял бы явный недостаток западных демократий в качестве внешнего союзника России.

Китай, с присущими ему внутриполитическими идеологическими и политико-психологическими характеристиками, также воспринимает Москву как более «естественного» и «надёжного» партнёра, чем какую-либо западную демократию. Китайская модель развития, с теми или иными минусами, пока обеспечивает высокий и стабильный экономический рост и решение базовых социальных задач, но проблема эволюционной изменчивости этой модели, управляемости полуторамиллиардного социума, равно как и проблема социальной стабильности, не сброшена Пекином со счетов. Торговые войны, общее ухудшение отношений с Западом, замедление прежних темпов роста, социальные катаклизмы, проявляющиеся пока в чувствительных сегментах китайского общества (Гонконг) свидетельствуют о том, что эта проблема будет сохранять свою остроту и актуальность на ближайшую перспективу. В связи с этим авторитарный характер и недемократизм Москвы в качестве своего ключевого военного союзника также более близок Пекину экзистенциально и страхует его от ненужных экстремальных проявлений и конфликтности с западной демократией.

РАЗНОЕ ПОНИМАНИЕ США

Говоря о военном сближении таких крупных стран, как Китай и Россия, необходимо отметить, что в современную высокотехнологическую ракетно-ядерную эпоху с многократно возросшими возможностями взаимного уничтожения⁷ наличие союзных военных гарантий в отношении какой-либо страны может привести к диаметрально противоположным результатам с точки зрения её безопасности. С одной стороны, взаимные гарантии безопасности для любого участника военного союза России и Китая перед лицом США, объективно мультиплицируют для них риски собственного уничтожения. В случае союзных отношений РФ и КНР российско-американо-китайский треугольник как таковой фактически прекращает своё существование, и на смену ему приходит ось противостояния США против РФ – КНР с соответствующими целями для американского ядерного удара. Такой удар со стороны США – превентивный или ответный – будет однозначно планироваться и наноситься по обоим союзникам.

С другой стороны, военный союз России и Китая может рассматриваться и как очевидное «благо» для России, поскольку этот союз двух ракетно-ядерных держав делает суицидальным для США любое ядерное нападение на каждую из них, или по крайней мере высоко поднимает планку риска для американцев. В случае превентивного удара США, ответный удар по ним будут производить две ядерные державы, мультиплицируя и повышая риск ответного уничтожения для американцев.

Нужно заметить, что нынешний расклад ракетно-ядерных потенциалов трёх сторон, а также действенность их систем ПРО таковы, что Китай является более уязвимым от ракетного нападения США, нежели Россия. Поэтому можно сказать, что в случае союзнических отношений с Россией Китай оказывается в большем выигрыше, чем Россия, с точки зрения своей ядерной безопасности. Союзнический ответный удар России по США в случае нападения США на Китай является для последнего фактором, значительно снижающим для него риск подвергнуться ядерному нападению. Для России её главной гарантией от нападения США в основном является собственный потенциал и собственный гарантированный ответный удар.

Кроме того, если говорить о китайских раскладах, то военный союз с Россией ценен для Китая тем, что, имея определённую страховку и щит России от ядерного нападения США, Китай с его динамичной экономикой и технологией, помимо всего прочего, получает шанс «передышки», «окна возможностей» или даже технологического «перескока» США. Находясь в известной степени под прикрытием российской «экс-сверхдержавы», потенциальная новая «сверхдержава» – Китай может использовать шанс решительного скачка к паритету с США в наступательных возможностях, либо даже приобретения технологического превосходства над ними. Такое превосходство может быть достигнуто за счёт про-

рыва к сверхновым критическим военным технологиям, которые могут выступать асимметричным ответом, либо нивелировать преимущества США в прежних «традиционных» ракетно-ядерных видах оружия, а также и в новых (высокоточных, гиперзвуковых, кинетических и т.д.) видах оружия.

Военный союз – это прежде всего реакция стран на чётко обозначившуюся, конкретную и недвусмысленную военную угрозу, угрозу их суверенитету и независимому развитию, стремление объединить усилия для её отражения. От того, насколько гармонично, одинаково остро стороны чувствуют эту угрозу для себя, в какой мере не видят других, в том числе и невоенных альтернатив для её купирования, зависит степень «союзной солидарности».

Пока нельзя сказать со всей определённости, что такая угроза для России и Китая воспринимается одинаково. Можно утверждать, что как для России, так и для Китая, главная угроза США заключается в двух основных моментах: 1) угроза военной победы США в полномасштабной ракетно-ядерной войне; 2) угроза размывания национальных моделей развития и утраты государственной самостоятельности в результате системной конкуренции с США. При этом, если для России одинаково важными представляются оба аспекта угрозы – и военный и, с точки зрения модели развития, то для Китая, более актуальным всё же является первый аспект. С точки зрения модели своего развития и собственной государственной самодостаточности Китай чувствует себя более уверенно. Соответственно этому Россия более заинтересована договариваться с США в контроле над вооружениями, хотя её шансы мотивировать к этому США неуклонно регрессируют из-за растущих экономических проблем и нехватки ресурсов для продолжения гонки вооружений. Китай, со своей стороны, будучи сильно мотивирован в разоруженческом аспекте «давления» на США, пока не имеет здесь достаточных козырей. При этом он склонен жёстко торговаться и отстаивать свою политико-экономическую модель развития и смещать основную сферу противостояния и конкуренции в экономическую и научно-технологическую область. Позиции, занимаемые КНР в ходе развернувшейся «торговой войны» с США, наглядно демонстрируют эту жёсткость.

При таком раскладе базовых мотиваций Россия и Китай имеют явную взаимную заинтересованность подкреплять друг друга в разных направлениях давления на США: Россия – в плане контроля над вооружениями, Китай – в экономике и технологии. Для Китая важна солидарная с КНР позиция России по вовлечению Китая в процесс контроля над вооружениями, в частности в свете предложений Д. Трампа по трёхстороннему договору о РСМД. Для России, например, крайне значимым была бы опора на финансовые ресурсы и кредиты Китая в условиях перекрытых каналов финансирования и кредитования западных банков.

ПОСЛЕДСТВИЯ ВОЕННОГО СБЛИЖЕНИЯ

Важным фактором, который России необходимо принимать в расчёт с точки зрения перспективы военного союза, является то, что России и Китаю, крупным мировым игрокам и полюсам многополярности, присущи сложные структуры внешнеполитических интересов. Эти структуры имеют свою историю, свой генезис, свои региональные акценты, характеризуются разной степени вовлечённости в горячие точки мира или межстрановые конфликты. Для России, например, ключевым сгустком интересов является Европа и постсоветское пространство, для Китая – ближайшие соседи (Индия, Япония, Корея) и регион АТР. Вступая в военный союз, Россия и Китай будут вынуждены модифицировать или полностью принимать точку зрения своего союзника на вопросы и противоречия, в которые они ранее были мало вовлечены. Так, Россия будет вынуждена занимать более солидарную позицию по пограничным конфликтам КНР в Восточном и Южно-Китайском морях, в отношениях КНР с Индией, Японией, обеими Кореями. Китай в свою очередь будет вынужден «двигаться» в сторону РФ в отношениях с НАТО (очень часто в разрез со своими экономическими интересами в Европе), по украинскому вопросу; в частности, его непризнание присоединения Крыма может быть пересмотрено.

Вообще, гипотетически возможное вступление России и Китая в военный союз сильнейшим образом радикализует, приведёт в движение мультиполярную мировую структуру, окажет значительное воздействие на каждый из мировых полюсов. Это и понятно, поскольку военный союз РФ и КНР, по сути, будет означать существенную перебалансировку уже сложившегося расклада сил, стремление других полюсов найти более равновесное и безопасное для себя состояние, в том числе и за счёт укрепления «межполюсных» взаимосвязей.

Разумеется, центральной «темой» прогнозирования на этот счёт является вопрос о том, какое конкретное воздействие российско-китайский альянс окажет на главного противостоящего им контрагента – США. При этом понятно, что речь не может идти о попытках предугадать всю палитру конкретных шагов и действий Белого дома во внешнеполитическом, военно-техническом и стратегическом аспекте «в ответ» на создание российско-китайского военного союза. Речь скорее может идти о прогнозе ключевых внешнеполитических мотиваций, новых идеологических установок, наиболее вероятных военных и дипломатических мер, могущих потенциально возникнуть у США как реакция на российско-китайский союз.

Думается, здесь следует в первую очередь говорить о следующих моментах.

Во-первых, аксиоматично, что США воспримут заключение российско-китайского военного союза как существенное ухудшение мировой обстановки, ужесточение и уплотнение конкурентной борьбы Вашингтона с Москвой и Пекином. Вашингтон, скорее всего, расценит степень этого ухудшения достаточной для того, чтобы предпринять политические, дипломатические и военные

меры экстраординарного характера, в результате чего общий градус отношений в треугольнике США – РФ – Китай резко повысится.

Наиболее вероятно предположить, что российско-китайский военный союз окажет цементирующее воздействие на состояние трансатлантической солидарности, укрепит военно-политическую связку США – НАТО, что поможет этому союзу, вопреки линии Д. Трампа, укрепить единство, или, по крайней мере, не усугублять наметившуюся центробежность. В прогрессии данный тренд способен привести к формированию некоторой новой военно-политической конфигурации – своего рода «четырёхзвенной биполярности», в которой, с одной стороны, фигурировал бы трансатлантический полюс в лице США и Европы, а с другой – евразийский альянс Россия – Китай. Такая дихотомия приобрела бы ярко выраженную геополитическую конфигурацию в виде новой оси Запад – Восток. При таком раскладе, например, весьма вероятно, что решение о размещении в Европе американских ракет средней дальности – на что пока существует мораторий и с американской, и с европейской стороны – будет всё-таки принято. Рост общей мировой напряжённости в целом и критических угроз для российской безопасности в частности будет весьма существенным.

Наряду с усилением трансатлантической солидарности США, наиболее вероятно, пойдут по пути ответного укрепления своих военно-политических союзов и связей как в АТР (Япония, Корея, Австралия, Филиппины, Таиланд, Сингапур), так и за рамками региона. Укрепление уже существующих союзнических отношений США наиболее вероятно будет идти, с одной стороны, за счёт компромиссных уступок, подвижек, стимулирующих мер в отношении стран – союзников. С другой – будет, скорее всего, наблюдаться усиление давления США на своих союзников в сторону ужесточения их обязательств и материальных затрат по совместной обороне, мотивированными фактором российско-китайского «сговора».

Такая аргументация с наибольшей вероятностью найдёт применение в отношениях с Японией. США, вероятно, усилят нажим на Японию по увеличению материального вклада последней на нужды обороны. Для США появятся сильные дополнительные аргументы лоббировать отмену статьи 9 конституции Японии, не разрешающей последней иметь собственные вооружённые силы. Вполне реалистична постановка вопроса о более активном участии Японии в региональной ПРО. Желательное для США размещение в Японии американских ракет средней дальности и крылатых ракет вряд ли осуществимо в силу возможного существенного противодействия этому внутри Японии.

На корейском направлении можно прежде всего предполагать сильную деградацию инициативы Д. Трампа по денуклеаризации Северной Кореи и улучшению связей с Ким Чен Ыном. Возможностей последнего найти компромисс с США станет значительно меньше. Ким Чен Ын, по всей вероятности, будет рассматривать заключение российско-китайского союза как сильный аргумент в

свою пользу в торге с США и заметно повысит планку переговорных требований. Эти требования были неприемлемы для Д. Трампа и в прежних, более скромных редакциях. Ким Чен Ын, вполне вероятно, пойдёт на большую сговорчивость и адаптивность своей позиции к интересам КНР. Это в первую очередь будет касаться интенсивности и темпов развития ядерной и ракетных программ КНДР, частоты ракетных и ядерных испытаний. В ответ Северная Корея будет, скорее всего, настаивать на увеличении китайской экономической помощи, в первую очередь в энергетической сфере. В новых условиях союзничества эти требования могут быть адресованы и России.

В условиях российско-китайского союза и дальнейшего «отвязывания» КНДР от прежних обещаний по денуклеаризации и разрядке с США у последних станет больше аргументов настаивать на усилении военного вклада РК в региональную безопасность. Конкретно это может выразиться в увеличении взноса Кореи в содержание и расходы по присутствию американского контингента в РК; расширении функций и задач корейского флота, в том числе и в Западной акватории Тихого океана; размещении дополнительных средств ПРО на территории РК.

Помимо этих направлений, США будут мотивированы установить, упрочить или стимулировать военно-политические связи с важными для КНР и России странами, такими как Афганистан, Вьетнам. Особые усилия США будут направлены на Индию, которая с возникновением российско-китайского альянса будет испытывать серьёзное напряжение в своих отношениях в рамках БРИКС и дополнительные стимулы движения в сторону американцев.

РАЗНЫЕ ТРАКТОВКИ БЕЗОПАСНОСТИ: РИСКИ МОСКВЫ

При обсуждении доводов за и против союза России с Китаем «существует точка зрения, что, сотрудничая с Китаем во многих областях, Россия почти ничего не теряет с точки зрения безопасности, зато осложняет жизнь США, укрепляет отношения с ключевым партнёром и получает экономический выигрыш» [2]. Аргументируя такую позицию, её сторонники отмечают, что первостепенными источниками беспокойства для России были бы китайские сухопутные силы, ракеты среднего радиуса, в то время как китайские ПРО, возможности СПРН и усиление морского флота КНР, что особенно беспокоит США, для России не являются серьёзным вызовом [2].

Эта точка зрения верна в определённой системе координат, но вряд ли правомерна, если рассматривать безопасность России более расширительно.

Действительно, композиция, «расклад» и характеристики военных потенциалов России и Китая, наиболее вероятностный гипотетический сценарий военного столкновения между РФ и КНР таковы, что Россия имеет определённые возможности относительно безрискового военного сотрудничества с КНР в форме союзнических отношений, причём направленных в первую

очередь и фактически против США. Система предупреждения о ракетном нападении, о сотрудничестве по которой с КНР президент РФ объявил в октябре 2019 г. – вероятнее всего одна из таких возможностей. В условиях подавляющего преимущества РФ в средствах доставки ядерных боеприпасов на территорию КНР, пока ограниченных китайских возможностей ПРО данная «услуга» никаким образом не представляет серьёзных рисков для России [2]. Наоборот, в определённом смысле она является положительной для РФ мерой, поскольку в конечном счёте работает на упрочение глобальной стратегической стабильности и сковывает американские возможности первого удара по КНР.

Однако коридор таких достаточно «безрисковых» шагов военного сотрудничества для РФ достаточно ограничен. Даже дальнейшие гипотетические меры по усилению китайских возможностей ПРО, технологический, консультационный обмен в этой области может быть весьма чувствителен для российских наступательных возможностей, в том числе и *viz-a-viz* КНР. Предоставление таких услуг со стороны России было бы абсолютно неоправданным иррациональным шагом для любого российского руководства, вне зависимости от внутриполитической «цены» подобного шага. Напомним, что даже при большей идеологической гомогенности двух стран и в условиях полномасштабной холодной войны с США, СССР в конце 1950-х годов не пошёл не только на предоставление Китаю секретов ядерного оружия, но и на менее значимые «услуги» военно-стратегического характера, в частности в предоставлении Китаю систем радиолокационной разведки по слежению за флотом США в Тихом океане.

Если рассматривать проблему безопасности РФ более расширительно, следует признать, что существенным и вполне осязаемым риском военного союза с КНР является риск инерции такого союза, его эволюция и превращение в некую более масштабную и системную взаимозависимость между РФ и КНР. Эта взаимозависимость, опирающаяся на существующие макроэкономические и макрополитические реальности современных России и Китая, преимущества последнего в экономике и темпах роста, способна создать угрозу независимости, самодостаточности и в итоге успешности модели развития современной России. Плата за «вставание с колен» на китайских плечах может быть слишком велика: утрата Россией самодостаточной и автономной роли глобального мирового полюса.

Конечно, пока речь идёт не о риске сегодняшнего дня, а о потенциальном сценарии будущего. Однако ставки в этом вопросе чрезвычайно высоки, и факторы, его предопределяющие, вполне реально просматриваются уже сегодня.

Три главных фактора внутрироссийского и международного плана делают такой тревожный сценарий вполне вероятным.

Первый – отсутствие на данный момент внятной и успешной стратегии экономического развития Российской Федерации, ориентированной на достижение

устойчивых темпов роста, технологическую модернизацию, прорыв в фундаментальной науке, избавление от сырьевой зависимости в экономике. Сюда следует отнести и полное отсутствие мотивации правящей элиты России к построению социально ориентированного государства.

Второй фактор – крайне обострившиеся за последние годы социальные, региональные и материальные диспропорции российского общества, его резкая поляризация как результат посткоммунистической фазы его эволюции, отсутствия в политической системе РФ сколь-нибудь дееспособной системы мониторинга, согласования и разрешения множественных внутрисоциальных и политических противоречий. Такое положение усиливает акцент государства исключительно на авторитарные, силовые методы управления и идеологическую индоктринацию.

В-третьих, объективно продолжающийся процесс глобализации и информатизационной революции, возрастающая роль внешних, трансграничных факторов внутреннего политического и экономического развития и как ответ российской элиты на это – чрезмерная идеологизация внешней политики и поиск внешних врагов.

Все данные обстоятельства серьёзно обостряют риск неблагоприятного внешнего влияния на приоритеты внутреннего развития и социально-экономическую политику «проблемного» государства, которым постепенно становится Российская Федерация.

Можно предположить, что Китай, несмотря на происходящие за последние годы замедления темпов роста (в силу объективных и субъективных причин), в обозримом будущем будет сохранять экономические параметры и темпы развития на порядки выше российских. Эти показатели вкупе с нарастающим технологическим продвижением, будут работать на сокращение разрыва в «традиционном» ракетно-ядерном потенциале между КНР и бывшими «сверхдержавами», нивелируя, таким образом, привлекательность России для союзнических отношений с КНР. Между тем, растущее преимущество в экономике, накопленные финансовые и другие материальные и технологические ресурсы объективно выдвигают Китай на роль «старшего» (доминирующего, ведущего) участника союзнического альянса. Эта ведущая роль способна проявиться в разных формах, в том числе и в военной стратегии – в определении и квалификации главного врага, распределении конкретных ролей и обязанностей в противодействии США, в конкретных планах военного строительства, в приоритете одних региональных театров действий и активности над другими. Доминирующий партнёр получит возможность влиять на внешнеполитические ориентиры, идеологию, бюджетные приоритеты, следовательно, и на экономическую и в целом на всю стратегию своего младшего союзника. В условиях экономического доминирования КНР, с одной стороны, бойкота и изоляции России на западных финансовых, товарных и сырьевых рынках – с другой, возможности Китая управлять своим младшим партнёром многократно воз-

растают. В этом смысле статус России в двустороннем военном союзе с Китаем может в будущем сильно походить на подчинённую роль Японии в американо-японском альянсе.

Существенно негативом может стать и идеологическое, ценностное влияние «старшего» китайского союзника на своего «младшего» российского контрагента.

Успешная вплоть до настоящего времени модель, «пекинский консенсус», основанная на национально специфических исходных условиях развития КНР – демографический фактор, большой резервуар дешёвого труда, традиции авторитаризма и сильного государства, конфуцианская этика труда, потребления и социальных отношений, примат коллективизма над индивидуализмом в противопоставлении с малоэффективной экономической стратегией и практикой России, остротой внутрироссийских противоречий способны привести к некритическому навязыванию РФ китайских экономических практик и опыта, положительно сработавших на китайской почве. Китай вполне может педалировать в России опыт авторитарных методов управления экономикой и социумом, финансовой нерыночной поддержки госкорпораций, расширения доли и роли госсектора в качестве политической опоры режима, практики многоуровневого, административно управляемого ценообразования, усечённых социальных обязательств государства, агрессивных форм контроля над населением.

Данное влияние может многократно усиливаться за счёт нарастания политических проблем российского руководства, обострения социальных напряжённостей в России, в силу названных выше факторов, пропагандистски объясняемых мнимым ростом внешней угрозы.

Риском союзнической инерции является растворение внешнеполитических интересов России как проблемного, младшего партнёра в превалирующих интересах старшего союзника – Китая. Как пока значимый и самостоятельный мировой полюс, Россия имеют собственные, не совпадающие с Китаем, внешнеполитические и геоэкономические интересы. Так, например, Россия заинтересована в интернационализации процесса переговоров и контроля над стратегическими вооружениями, несмотря на усложнение этих переговоров, а Китай пока отказывается брать на себя какие-либо обязательства в данной сфере. Китай как ключевой мировой потребитель сырья заинтересован в снижении цены на сырьё и растущей вариативности рыночных источников. Россия, наоборот, заинтересована в поддержании высоких цен на углеводороды и своей привилегированной роли на мировом рынке сырья. Россия предпочитает ключевую роль транспортно-логистического моста между КНР и Европой, Китай отстаивает стратегию многоканального и вариативного доступа на мировые рынки сбыта и сырья в рамках мегапроекта «Один пояс – один путь»; Китай отстаивает свои геополитические интересы в свободном доступе и эксплуатации Северного морского пути; Россия капитализируется на своих привилегиях в качестве одной из арк-

тических держав. Россия и Китай испытывают зримые противоречия в регионе Центральной Азии, в первую очередь в Казахстане, становящимся буферным государством между ареалом Евразийского экономического союза (ЕАЭС) и китайским экономическим пространством.

Опираясь на роль старшего, экономически более мощного, центрального партнёра, финансового донора РФ, Китай способен эффективно продавливать свои приоритеты и интересы за счёт российских позиций. Такой процесс уже происходит применительно к китайской инициативе «Один пояс – один путь», идея сопряжения которой с российской инициативой ЕАЭС пока явно пробуксовывает и не наполняется реальными проектами. Сам процесс дальнейшей консолидации и роста интегративности ЕАЭС сталкивается с серьёзными трудностями и ограничениями. Идея Большой Евразии в существенной степени остаётся чисто пропагандистским слоганом. С точки зрения интересов России, вызывают вопросы реальная выгода, рентабельность, сроки окупаемости масштабных российско-китайских энергетических проектов в области углеводородов (нефтепровод Восточная Сибирь – Тихий океан, газопровод «Сила Сибири»), проистекающие из монополии одного потребителя. В условиях госкапитализма с высоким уровнем коррупции вызывает серьёзные опасения тот факт, что экономическое внедрение Китая на российское экономическое пространство будет идти вразрез с интересами широких слоёв населения и будущих поколений*.

Суммарным результатом этого может стать утрата Россией роли самостоятельного и самодостаточного мирового полюса, вплоть до роли китайского сателлита.

ЖУПЕЛ АНТИАМЕРИКАНИЗМА

Ещё одним из основных рисков инерции российско-китайского военного альянса является риск закрепления антиамериканизма в качестве главного внешнеполитического «топлива» и «вечного приоритета» российско-китайского союзничества.

Россия, в интересах своего внутреннего развития, в интересах открытости и адекватной включённости в глобальную экономику, в международную систему, в интересах развития и поддержания нормального гуманитарного и культурного взаимодействия с внешним миром нуждается в стабильных и прочных отношениях как с Китаем, так и с США.

* В России широкую огласку получили вопиющие факты сращивания интересов коррумпированного российского чиновничества и китайского бизнеса в сфере лесозаготовок и организации китайского туризма в Российской Федерации.

Нынешний кризис, который переживают российско-американские отношения, является результатом стратегии поведения двух сторон. Преодолеваться он тоже должен в результате обоюдного компромисса.

Картина российско-американских отношений за последнее десятилетие не является чёрно-белой. Запад прошёл свой, а Россия свой отрезок пути к нынешнему конфликтному состоянию дел. В частности, не отвергая и не отрицая деструктивности решения о расширении НАТО после распада СССР, необходимо учитывать, что оно принималось в условиях неопределённости и незаконченности системных преобразований в России в течение 1990-х годов, представлений на Западе о возможности коммунистической реставрации в РФ. Это представление было наглядно продемонстрировано «красно-коричневым» путчем 1993 г., выборами 1996 г., отсутствием решительной десталинизации и подлинной демократизации постсоветского общества. Запад страховался от не исключённой в будущем российской угрозы. Он избрал для этого наиболее простой способ вместо того, чтобы избрать более сложный, более длительный, более затратный, но возможно более успешный путь – путь строительства углублённой, менее хрупкой и более взаимозависимой системы безопасности с посткоммунистической Россией. Запад был не готов идти на большее доверие и больший политический риск, который мог бы принести и более благоприятную для Запада трансформацию РФ, и более устойчивые стратегические отношения с Москвой.

США и Россия, как самые мощные в мире ядерные державы заинтересованы в восстановлении мирового режима контроля над вооружениями. В настоящее время нет резонов предполагать, что альтернативой двусторонним режимам контроля над вооружениями станут многосторонние или региональные соглашения.

Несмотря на нынешнюю остроту российско-американских разногласий, узконаправленный национализм В. Путина и Д. Трампа, российский «веймарский» синдром и внутриамериканский поиск новой идентичности, Россия не должна бетонировать ненависть к Америке в качестве вечного стимула своего взгляда на мир. Америка и устойчивость отношений с ней для России ценны сами по себе и не должны являться функцией российско-китайской дружбы.

ВЫВОДЫ: ОПЦИИ И УСЛОВИЯ

Подводя итог, можно сказать, что на данном временном срезе военный союз между Китаем и Россией не представляется оправданным и адекватным шагом, с точки зрения расширительно понимаемых интересов безопасности Российской Федерации. Этот союз двух полюсов глобальной многополярности, значительно переформатировал бы структуру этой многополярности, вызвав в ней радикализацию и рост напряжённости. Этот союз, вероятно, обострил бы экзистенци-

альную проблему безопасности РФ, а не решил бы её. Такое переформатирование полюсов с участием восходящего Китая и социально проблемной России скорее приведёт последнюю к утрате самостоятельного «полюсного» статуса, а отнюдь не к «вставанию с колен».

Основываясь на концепциях «политического реализма» можно предположить две «макростратегии» поведения РФ в нынешнем треугольнике США – Китай – Россия с учётом существующих у них потенциалов в экономической и военной области. Первая «макростратегия» предполагала бы присоединение – «союз» – экономически «слабой» РФ к одному из экономически сильных акторов (углов), соперничающих за превосходство. Посредством такого «союза» Россия «дипломатически» компенсировала бы свою слабость, капитализировалась бы на данном союзе, чтобы преодолеть своё экономическое отставание. Минусом такой союзности, как понятно, является зависимость от старшего контрагента, риск «сгореть» в конфликте за его интересы.

Другая «макростратегия» предполагала бы состояние равноудалённости РФ от двух экономически сильных стран, сохранение свободы рук. Тот факт, что в случае ракетно-ядерного обмена у России есть потенциал ответно уничтожить даже экономически сильного противника (США), давал бы ей некоторую усечённую гарантию от нападения и выигрыш во времени для компенсации своих экономических слабостей. С учётом всех изложенных выше факторов и обстоятельств, такая «макростратегия» представляется более предпочтительной.

Ситуация избегания прямого и однозначного военного союзничества России с Китаем в настоящий момент не означает закрытие этой опции навечно. Вечных интересов, равно как и вечных табу, в международных отношениях не бывает. Россия по своим мотивациям, а Китай по своим, могут вернуться и «активировать» опцию военного союза, если сочтут его необходимым и неотложным средством обеспечения своей безопасности от США. Наиболее сильными стимулами для такой активации могут быть действия США в адрес любого из двух государств, резко нарушающие сложившийся военно-стратегический баланс или направленные на такое нарушение. В частности, Россия и Китай, вероятно, не смогут избежать союзничества и взаимных гарантий защиты в случае размещения США ракетных средств доставки ядерного оружия в странах Восточной Европы со сверхкоротким подлётным временем до Москвы и других территорий РФ. Мотивом и явным стимулом к заключению союзного договора могут стать аналогичные меры США в АТР – разработка и размещение американских ракет средней дальности на континенте или на мобильных носителях в АТР. Китай имеет определённую подушку безопасности и временной гандикап в случае подобного шага США. Несмотря на это, он вправе расценивать любые меры США по слому сложившегося баланса сил в свою сторону, как повод для союзных гарантий с Россией, особенно в условиях преимущества США в стратегических средствах доставки.

Таким поводом для обоих союзников – и России, и Китая – может быть и полный отказ США от юридически обязывающих договорённостей с Россией по вопросам контроля над стратегическими вооружениями, в первую очередь по Договору СНВ-3, истекающему в 2021 г. Выход США из этого договора и однозначная ориентация США на единоличное доминирование в стратегических вооружениях «перекрывают» по значимости многие из аргументов против союзничества России и Китая, изложенных в данной статье. Вместе с тем угроза военного союза Китая и России является серьёзным средством сдерживания США от этого шага, действенным как на администрацию Трампа, так и на любую иную администрацию США в случае его ухода.

Что должны и могут делать Россия и Китай в плане военного сотрудничества в настоящий период, в отсутствии союзных отношений? Наверное, ответ на этот вопрос должен звучать так: все остальные виды сотрудничества, не переходящие «красную линию», возможны и реальны. Такой «красной линией» стоит признать взаимные гарантии участия сторон в отражении внешней угрозы. Всё то, что Россия и Китай осуществляют сейчас – доверительные консультации и предоставление разведывательной информации в области внешней политики, по военным планам и действиям США, эксклюзивные поставки критически значимых вооружений, совместные военные манёвры различных видов и родов войск, совместные командно-штабные учения, совместное патрулирование воздушного и морского пространства – необходимо и целесообразно продолжать. Кроме того, Россия и Китай вполне могут договориться о сложении сил, – капиталов, производственных мощностей и технологий для совместной разработки и выпуска конкурентоспособных видов наукоёмких вооружений для собственного потребления и экспорта в третьи страны.

Эффективная дипломатия порой предполагает прямой и ясный недипломатический язык. Это особенно важно, когда речь идёт о долгосрочном внешнеполитическом партнёре, пониманием, доверием и расположением которого России нужно дорожить. У России и Китая существует возможность и необходимость сохранить продуктивные партнёрские отношения, не переводя их в военно-политический и военно-технологический союз.

ИСТОЧНИКИ

1. Заседание дискуссионного клуба «Валдай». Владимир Путин выступил на итоговой пленарной сессии XVI заседания Международного дискуссионного клуба «Валдай». Available at: <http://kremlin.ru/events/president/news/61719> (accessed 14.11.2019).

2. В. Кашин. Необъявленный союз. Как Россия и Китай выходят на новый уровень военного партнёрства. Available at: <https://carnegie.ru/commentary/80096> (дата доступа 14.11.2019).

3. Graham Allison. China and Russia: a strategic alliance in the making. *The National Interest*. December 14, 2018. Available at:

<https://www.nationalinterest.org/feature/china-and-russia-strategic-alliance-making-38727> (accessed 14.11.2019).

4. С. Труш. Пределы солидарности. *Независимая газета*. 06.03.2002. Available at: http://www.ng.ru/ideas/2002-03-06/11_solidarity.html (дата доступа 14.11.2019).

5. Минобороны: военный бюджет США 2019 года в 15 раз превышает российский. *Коммерсант*. 18.12.2018. Available at: <https://www.kommersant.ru/doc/3834695> (дата доступа 14.11.2019).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Лукин А.В., Кашин В.Б. Российско-китайское сотрудничество и безопасность в АТР. *Сравнительная политика*. 2019;10(2):135-151. <https://doi.org/10.24411/2221-3279-2019-10021>

REFERENCES

Lukin A.V., Kashin V.B. Russian-Chinese Cooperation and Security in Asia Pacific Region. *Comparative Politics Russia*. 2019; 10(2):135-151. (In Russ.) <https://doi.org/10.24411/2221-3279-2019-10021>

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ТРУШ Сергей Михайлович, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института США и Канады РАН (ИСКРАН).
Российская Федерация, 121069, Москва, Хлебный пер., 2/3 (zebra758@gmail.com)

Sergei M. Trough, Can. Sci. (History), Leading Researcher, Institute for the U.S. and Canadian Studies, Russian Academy of Sciences.
2/3 Khleby per., 121069 Moscow, Russia (zebra758@gmail.com)